HAL
open science

АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРОИСХОЖДЕНИИ. ПИСЬМЕННЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ БИОЛОГИЧЕСКОГО РОДСТВА В ДОКУМЕНТАХ СЛУЖБЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ (ФРАНЦИЯ, 1995–2015 гг.) | Arkhivnye svidetel'stva o proiskhozhdenii. Pis'mennye i veshchestvennye sledy biologicheskogo rodstva v dokumentakh sluzhby zashchity detei (Frantsiia, 1995–2015)

Аньес Марсьяль, Agnes Martial

To cite this version:

Аньес Марсьяль, Agnes Martial. АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРОИСХОЖДЕНИИ. ПИСЬМЕННЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ БИОЛОГИЧЕСКОГО РОДСТВА В ДОКУМЕНТАХ СЛУЖБЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ (ФРАНЦИЯ, 1995–2015 гг.) | Arkhivnye svidetel'stva o proiskhozhdenii. Pis'mennye i veshchestvennye sledy biologicheskogo rodstva v dokumentakh sluzhby zashchity detei (Frantsiia, 1995–2015). Антропологии/Antropologies, 2021, 1, pp.121-137. ⟨hal-03511190⟩

HAL Id: hal-03511190

https://hal.science/hal-03511190v1

Submitted on 4 Jan 2022

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

© А. Марсьяль

АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРОИСХОЖДЕНИИ. ПИСЬМЕННЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ БИОЛОГИЧЕСКОГО РОДСТВА В ДОКУМЕНТАХ СЛУЖБЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ (ФРАНЦИЯ, 1995–2015 гг.)

Ключевые слова: родство, анонимные роды, отказ от ребенка, усыновление, происхождение, архивы

На основе исследования, проведенного в архивах французской Службы защиты детей, мы проанализируем письменные и материальные “следы” биологических родителей, сохраняемые в делах детей-отказников или детей, рожденных анонимными матерями. Административные бумаги, письма, фотографии или вещи рассказывают об отношениях, связанных с рождением, их месте в жизни приемных детей и их новых семей, проливая свет на новое явление множественного родительства.

> 6 июля 1995 г. в 14:00 в Монтрее родился мальчик, Тома Антони. Свидетельство выписано 7 июля на основании заявления больничного служащего Жака Лелу, зарегистрированного по адресу [адрес роддома], подписавшего после прочтения в нашем присутствии настоящий акт.

Эти вымышленные строки могли бы стоять в выписанном чиновником службы гражданских регистраций свидетельстве о рождении ребенка, появившегося на свет в результате анонимных родов. Они описывают странную ситуацию: ребенок как будто родился сам по себе, без чьего-либо участия. Если отсутствие записи об отце – вещь достаточно распространенная, то прочерк в графе “мать” встречается лишь в редчайших случаях: согласно французскому законодательству, установление личности матери производится на основании самого факта родов, и ее имя автоматически вносится в свидетельство о рождении[1], если только роженица не поступила в родильное отделение без документов и не отказывается назвать себя[2]. В подобных случаях акт гражданского состояния фиксирует разрыв двух событий: ребенок родился, но никакая женщина его не родила (*Lefaucheur* 2001: 151). Однако существует все же документ, хранящий

Аньес Марсьяль | https://orcid.org/ 0000-0001-9170-6225 | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002, Marseille, France | agnes.martial@univ-amu.fr
Исследование финансируется в рамках программы Национального исследовательского агентства Франции (ANR), проект №ANR-18-CE26-0012, 2018–2021 гг.
Статья впервые опубликована в журнале “Ethnologie française”, 2020, 2 (178): 285–298. На русском языке публикуется с согласия автора и редакции журнала.

кое-какие следы. Это протокол Службы защиты детей (*Aide sociale à l'enfance* – ASE), заполняемый в первые дни жизни ребенка и помещаемый в его дело, иногда вместе с какими-то записками, фотографиями или даже предметами. Нас интересуют в данном случае именно эти следы, свидетельства первых часов и дней пребывания ребенка на земле, которые порой могут пролить свет на существование той или тех, кто дал ему жизнь. Их обнаружение часто становится первым этапом поисков, на которые пускаются усыновленные или дети неизвестных родителей в стремлении найти свои "личные истоки".

С 2002 г. во Франции такие поиски разрешены законом, который признает отныне, что человек, рожденный анонимно, может однажды пожелать узнать, кто та женщина, что дала ему жизнь, и познакомиться с ней. Таким образом, закон создает возможность установления личных отношений между биологической матерью и ее ребенком, хотя и не порождает для них никаких дополнительных прав или обязанностей, ибо с юридической точки зрения у ребенка может быть только одна пара родителей – в данном случае его приемных родителей. Такие отношения, связанные с биологическим родством, вдвойне необычны: будучи результатом зачатия, т.е. основанные на "природе", считающейся наиболее мощной метафорой родства в наших обществах (*Schneider* 1968), они, прежде всего, не имеют никакого легального статуса. Кроме того, они являются "виртуальными", но могут быть (хотя и не обязательно) использованы для самоидентификации: лишь часть потенциально имеющих такую возможность лиц действительно предпринимают попытку найти свои "корни". Таким образом, родство может проявляться не только как юридическая связь или как образ действий, выражающийся в заботе о своем ребенке, но и как скрытые, неопределенные или второстепенные отношения. Ниже мы представим результаты первого этапа исследования таких отношений, а также форм множественного родительства, которые могут возникать в ситуациях усыновления. Для начала мы попытаемся понять, какую роль играет содержимое личных дел анонимно рожденных детей или детей-отказников.

Административный подход к тайне происхождения: от строгой секретности к оставлению следов

Если не считать исторические исследования, содержание административных досье детей неизвестных родителей или отказников остается мало используемым источником. И между тем на эти "следы", собранные и хранимые государством, многие бывшие воспитанники Службы защиты детей возлагают большие надежды: установить личность "биологической матери", получить какую-то информацию об отце, узнать о наличии потенциальных "братьев и сестер", понять причины своей брошенности. Однако удачи на этом пути редки, а искомая информация часто оказывается недоступной или вовсе отсутствует, особенно в случае анонимных родов.

История Службы защиты детей проливает свет на причины такого положения. Она свидетельствует о давней практике препятствия "воссоединению" усыновленных детей с их биологическими родителями и контактам между ними (*Le Boulanger* 2013; *Jablonka* 2006). Как показало исследование А. Ривьера, с первых лет Третьей республики вплоть до конца 1970-х гг. запросы воспитанников, желавших узнать имена своих биологических родителей или причины, по которым те от них отказались, систематически оставались без ответа (Rivière 2009: 2). Отказ от ребенка не порывает юридически родственную связь между ним и родителями. Таким образом, администрация использовала тайну усыновления для фактического разрыва отношений между брошенными детьми и их биологическими родителями, руководствуясь различными мотивами. В русле карательной концепции – "справедливо, чтобы те, кто уклоняется от исполнения семей-

ных обязанностей, не вкушали радостей семейной жизни" (доклад *Bienvenue-Martin*, 1904, цит. по *Jablonk*а 2006: 52) – считалось, что "тайна рождения служит для воспитания ответственности и морали в простонародных семьях", а также для предотвращения нежелательных практик, таких, как временное помещение детей в приюты с целью переложить заботу об их прокорме на государство (*Rivière* 2009: 3). Важно было также изолировать ребенка от неблагоприятной среды – городской бедноты, которую педагоги того времени под влиянием теории наследственности считали крайне вредоносной (*Jablonka* 2006). Но главное – тайна родительства, в особенности – материнства, должна была предотвратить аборты и убийства новорожденных: "любая роженица, желающая оставить ребенка в хосписе, должна быть уверена, что администрация сохранит ее имя в тайне и не сообщит никому, даже оставленному ею ребенку" (*Rivière* 2009: 3). Служба общественного призрения продолжала тем самым принцип, провозглашенный французской Революцией, которая, впрочем, не запрещала возможного признания родства и даже возвращения ребенка в семью до тех пор, пока ему не были найдены приемные родители. Ситуация изменилась с появлением возможности усыновления несовершеннолетних (*Lefaucheur* 2001). В 1939 г. был издан декрет о домах младенца, где женщины могли рожать бесплатно и не сообщая своего имени (в 1941 г. этот принцип был распространен на все родильные отделения), который одновременно впервые разрешил передачу детей в возрасте до 5 лет, рожденных от "неизвестных родителей", в новую семью, где они будут обладать теми же правами, что и законные дети. Тайные роды, став анонимными, создали тем самым возможность просто-напросто стереть любое упоминание о матери, предложив усыновителям "социально чистых" детей (*Howell* 2006).

В последние десятилетия XX в. проблема доступа усыновленных или анонимно рожденных детей к информации об их происхождении вновь оказалась в центре внимания. В 1978 г. закон провозгласил свободный доступ каждого к касающимся его административным документам за исключением… содержащих секретные данные. Группы бывших воспитанников Службы защиты детей, рожденных анонимно, объединившись в ассоциации, выступили против символического насилия, которое, по их мнению, представляет невозможность легально получить сведения об условиях их появления на свет. Эти требования были поддержаны психологами и психоаналитиками, обнародовавшими данные о пагубном влиянии семейных секретов. Они также совпали по времени с движением за признание права детей на сохранение информации об их происхождении в рамках международных усыновлений. Гаагская Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления[3] подтверждает принципы Конвенции ООН 1989 г. о праве ребенка на идентичность, включающую его национальность, имя и признанные законом семейно-родственные связи, а также "по мере возможности – праве знать своих родителей и быть воспитанным ими"[4]. В 1990х гг. во Франции, в то время как различные доклады предлагали отмену или модификацию принципа анонимных родов, закон от 8 января 1993 г., напротив, включил его в Гражданский кодекс и лишил рожденных анонимно возможности обращаться в суд для выяснения личности их матери[5] (*Lefaucheur* 2006). Бурные дебаты, вызвавшие необычный раскол в политическом лагере (*Emsellem* 2004), противопоставляли право женщины распоряжаться своим телом и свободно принимать решение о материнстве – праву ребенка на знание своего происхождения. Этот раскол подогревался свидетельствами женских ассоциаций, вскрывавших те условия, которые заставляют рожать анонимно: давление семьи, отсутствие стабильного статуса и т.п. (*Lefaucheur* 2001). Встал вопрос об отношении в родильных учреждениях к женщинам, желающим рожать анонимно, об условиях, в которых они оказываются, об отсутствии четкой и понятной процедуры анонимных родов – все это в контексте настойчивой стигматизации отказа от ребенка. В 1996 г. очередной закон попытался установить некие правила для персонала родильных учреждений, направленные на улучшение информиро-

вания рожениц о процедурах передачи ребенка в Службу защиты детей, о возможности выбора ему имени, оставления для него некоей информации, не позволяющей тем не менее идентифицировать мать, согласия на раскрытие ее анонимности в дальнейшем, а также о праве на психологическую или социальную помощь. Однако все эти возможности остались на бумаге (*Lefaucheur* 2006). Только закон от 22 января 2002 г. наконец изменил условия анонимных родов и облегчил процедуру поиска своих корней, создав Национальный совет доступа к сведениям о происхождении (CNAOP), который ввел два механизма. Первый, привязанный к моменту рождения, выработал стандартный протокол приема рожениц. Эта миссия была вверена "корреспондентам" CNAOP, назначаемым в каждом департаменте из числа персонала Службы защиты детей или органов защиты материнства и детства. Протокол призван, сохраняя право женщины на анонимные роды, обеспечить возможность доступа ребенка к информации о своем происхождении. Каждой анонимной роженице отныне объясняют "важность знания своей истории для каждого человека" и предлагают "оставить, с ее согласия, сведения о ее здоровье и здоровье отца, о происхождении ребенка и обстоятельствах его рождения, а также, в запечатанном конверте, свое имя"[6]. Ее также информируют о различных уровнях анонимности: не оставлять никакой информации, позволяющей ее идентифицировать (при этом предупреждая о возможности позже в любой момент открыть свое имя); оставить свое имя в Службе защиты детей, чтобы с матерью можно было связаться в случае, если ребенок захочет ее найти; оставить свое имя прямо в деле ребенка. Есть также возможность признать ребенка и записать его на свое имя, и только после оставить. Все эти варианты делают анонимные роды уже не столь анонимными. Второй механизм вступает в действие позже, когда ребенок взрослеет или уже повзрослел. CNAOP принимает запросы на доступ к данным о происхождении, пытается разыскать биологических матерей и получить их согласие на снятие анонимности. Он также получает от биологических родителей или их родственников разрешение на открытие тайны происхождения.

Архивные дела о происхождении воспитанников Службы защиты детей

Итак, изучение своего "досье" в Службе защиты детей было и остается первым и основным этапом в рассказах детей анонимных рожениц о "поисках своих корней", несмотря на то, что содержание этих досье может быть очень разным и нередко разочаровывать. Содержащиеся в них документы отражают роль государства в обеспечении доступа человека к сведениям о своем происхождении, а также в получении знаний о человеке и его истории. Как отмечает С. Ру в связи с международными усыновлениями, государство "создает саму возможность выстроить рассказ о прошлом человека, благодаря сбору и хранению стандартной бюрократической информации (записи актов гражданского состояния, регистры населения, личные документы и т.п.). Знание "своего" прошлого всегда связано с информацией, хранящихся в государственных архивах, хотя и не ограничивается ею" (*Roux* 2017: 73). Изменил ли французский закон 2002 г. характер формирования этих архивов? Какое влияние оказало недавнее признание важности доступа человека к информации о его происхождении на характер сбора персональных данных, их систематизацию и хранение? Как женщины, желающие рожать анонимно, относятся к рекомендации представителей CNAOP "оставить след" в досье своего ребенка? Какие еще отношения, связанные с рождением (наличие биологического отца, других детей, рожденных той же матерью, родственников последней), могут отразиться в досье? Что, в конечном итоге, находит в нем человек, решивший заняться поиском своих корней?

Для ответа на эти вопросы мы начали изучение архивов Службы защиты детей. На первом этапе продолжающегося по сей день исследования были изучены досье 55 детей, рожден-

ных между 1995 и 2015 гг., т. е. как до, так и после принятия закона 2002 г. Работа проводилась в двух департаментах с разрешения дирекции местных архивов и руководства ASE. Содержимое досье используется нами для качественного анализа и не претендует на статистическую репрезентативность. Выборка, составленная совместно с архивистами, в основном состоит из дел детей анонимных рожениц (36 досье), а также, для сравнения, детей, признанных брошенными по решению суда (12),[7] оставшихся без родительского попечения (5) и детей-сирот (2 досье), которые тоже могут обращаться в архив в поисках сведений о своих родителях. В процессе работы с архивными документами мы беседовали с работниками архива и персоналом ASE, дополнительно были проведены интервью с социальными работниками, воспитателями, психологами, представителями CNAOP, в чьи обязанности входит прием анонимных рожениц, сбор информации, которую последние хотят оставить, забота о новорожденных младенцах и затем, много позже, взаимодействие с теми из них, кто обращается с просьбой об ознакомлении со своим делом. Для сохранения анонимности и гарантии конфиденциальности информации, к которой мы получили доступ, мы изменили все имена, даты и адреса, встретившиеся в изученных делах. Никакие сведения, позволяющие идентифицировать матерей, не вышли за стены архива. Особенность нашего исследования диктует также особый характер использования данных, а именно невозможность подробного описания каждого конкретного случая. Поэтому было решено прибегнуть к трансверсальному анализу, а также к вымышленным историям, которые позволяют передать суть реальных ситуаций, не делая их узнаваемыми.

Содержание и объем дел зависят от обстоятельств, при которых дети стали воспитанниками ASE. Государственные свидетельства, административные и судебные документы соседствуют здесь с различными экспертизами, медицинскими и психологическими заключениями, а также – реже – письмами, фотографиями или вещами. В формировании архивного дела участвует или к нему обращается множество разных людей: с одной стороны – персонал роддома, социальные работники, судьи, сотрудники архива; с другой – анонимные роженицы, отцы и/или другие родственники новорожденных, приемные родители, сами воспитанники. Лица, имеющие отношение к рождению ребенка, представлены в делах неравномерно, особенно с точки зрения пола. Мужчины – сожители, супруги или отцы – оставляют лишь мимолетный след в свидетельствах рожениц, и сведения о них в досье встречаются очень редко. Картонные архивные папки хранят прежде всего информацию, знаки или указания, которые согласились оставить роженицы, а также свидетельства тех, кто был рядом с новорожденным в его первые дни и месяцы.

Оставить след или стереть его: разные модели поведения

Следы отсутствующего тела. Изученные нами дела обнаруживают большое разнообразие поведения рожениц в том, что касается оставления следов. Некоторые предпочитают бегство: они исчезают еще до составления протокола, необходимого для передачи ребенка под опеку ASE, и все, что от них остается – это скупые свидетельства персонала медицинского учреждения, где проходили роды. Многие женщины предпочитают сохранить свое имя в секрете, соглашаясь иногда лишь на предоставление информации, не позволяющей их идентифицировать. Есть такие, кто оставляет сведения о себе в запечатанном конверте, который представители CNAOP имеют право вскрыть, чтобы связаться с матерью в случае, если ребенок обратится за информацией о своем происхождении, и спросить ее разрешения предоставить ему эту информацию. Наконец, некоторые решают вписать сведения о себе непосредственно в протокол. В этом случае ребенок, придя ознакомиться со своим досье, сможет на месте узнать имя,

фамилию матери и ее адрес на момент его рождения. Хотя малое количество изученных нами дел не дает материала для количественного анализа, мы можем сослаться на данные другого недавнего (2016 г.) исследования, охватившего 77 департаментов. Оно позволяет оценить частоту того или иного выбора. Прежде всего, немалая доля родивших анонимно женщин (19%), впоследствии передумали и признали своих детей. Среди оставшихся доля тех, кто не оставил никакой идентифицирующей их информации (42 %), несколько выше доли сделавших выбор в пользу возможности их идентификации в будущем: либо поместив личную информацию в запечатанный конверт (28%), либо указав ее в протоколе (10%) (DGCS 2017: 49)[8]. В большинстве случаев анонимные роженицы оставляют лишь скупую информацию, однако досье ребенка все равно содержат некоторые материальные следы их присутствия.

Первый тип таких следов – письменные. Свидетельство о рождении ребенка без родителей, даже если оно утрачивает законную силу после усыновления, хранится в его деле. Эти свидетельства, отпечатанные в типографии, представляют собой стандартный административный документ, отражающий, тем не менее, конкретное событие: появление на свет ребенка. Указание на время и место этого события вписывает его в координаты пространства/времени, тогда как имена регистрирующего чиновника, а также лица, по заявлению которого проводится регистрация, дают представление о первых свидетелях гражданского рождения младенца. Протокол, заполняемый на подопечного Службы защиты детей, также представляет собой стандартный бланк, разработанный для удобства административного производства, однако некоторые сведения и ответы на вопросы должны быть вписаны в него от руки, чаще всего – служащими, составляющими документ, но в некоторых случаях самой роженицей. В одном из двух департаментов, где проводилось наше исследование, с 2004 г. от женщин требуют собственноручно вписывать в предусмотренное для этого окошко стандартную фразу: “Я желаю сохранить свою личность в тайне”. Эта надпись является подтверждением ее свободного и независимого решения, но, кроме того, представляет собой память о действии, вынуждая пишущую оставить на бумаге материальный отпечаток своего физического существования. Подпись чаще всего отсутствует, за исключением тех протоколов, в которых женщины не скрывают свою личность, а также случаев усыновления детей, родители которых известны: тогда мать, а иногда и отец, обязаны подписать документ об отказе от ребенка. В фильме *“Тайны и ложь” Майка Ли* (1996) показано, какие чувства испытывает молодая женщина, обнаруживающая при первом знакомство со своим досье подпись той, что сдала ее на руки социальной службе сразу после рождения. Личная подпись – уникальный отпечаток, представляющий собой нечто большее, нежели юридическое заверение. Как показала Б. Френкель, история личной подписи и распространения ее использования в западном мире с целью идентификации отражает двойственный процесс индивидуализации тела и личности: благодаря подписи, “отпечаток становится следом, обозначая присутствие уникального, единственного тела, начертанное на странице” (*Fraenckel* 1992: 10). Так письменный след становится воплощением абстрактной отсутствующей фигуры, внезапно приобретающей некоторую реальность. Заверяя одновременно анонимность матери и ее отказ от ребенка, эти листки оживляются еле уловимыми признаками ее существования.

Некоторые женщины оставляют свой след более охотно. В очень редких делах можно встретить, например, одну или несколько фотографий – обычные фото на документы или настоящие портреты совсем молодых девушек, улыбающихся или серьезных, иногда красиво одетых, тщательно причесанных и накрашенных. В таких случаях образ противоречит административной процедуре устранения следов физического и морального присутствия роженицы, предлагая смотрящему богатую информацию к размышлению. Черты и выражение лица, разрез глаз, оттенок волос и кожи, а также эстетические предпочтения, о которых свидетельствуют

одежда или украшения, место, выбранное для снимка – все это поддается интерпретации, создает представление о персонаже на фото и его истории, позволяет разглядеть возможные черты фамильного сходства… Но вне зависимости от возможных интерпретаций эти фотографии свидетельствуют о желании матери оставить гораздо более заметный след в деле ребенка.

Другой формой следов, которые можно обнаружить в досье, являются предметы. Одна из анонимных рожениц оставила свой шарф, другая – браслет. Некоторые кладут открытку с христианской молитвой или стихом из Корана. В одном из архивов, который мы посетили, к некоторым делам прилагались коробки с различным содержимым, тщательно переписанным секретарем Службы усыновления. Вот пример такой описи: “коробочка для украшений с сережками, плюшевая игрушка, приданое для новорожденного (пижама, распашонки, носочки и чепчики, другая одежда)”. Подарки, талисманы, мягкие игрушки и погремушки также могут быть знаком внимания и памятью для ребенка о той, что родила его на свет, отражая ее физическое присутствие, несмотря на расставание. Различные материальные следы, оставляемые женщинами при рождении ребенка, можно также рассматривать как сопротивление процессу стирания их личности, порождаемому анонимными родами.

От телесности к отношениям? Существуют еще более двусмысленные следы, свидетельствующие о том, что уже в момент отказа от ребенка женщина оставляет открытым вопрос о возможной связи с ним. В службах, где мы работали, роженицам предлагают написать ребенку письмо и сообщить ему то, что они считают нужным. Большинство отказывается. Некоторые обещают зайти позже и занести письмо, но почти никогда не держат слово. Есть и такие, что нехотя соглашаются и пишут достаточно формальные строки, перечисляя мотивы, вынудившие их отказаться от ребенка (отсутствие отца, денег, работы, жилья, давление со стороны семьи). Написанные в настоящем времени, эти письма содержат минимум информации о тех, кто их написал. Они ни к кому не обращены и не рассчитаны, похоже, на установление связи.

Редкие женщины, тем не менее, с готовностью используют возможность обратиться к ребенку. Они рассказывают о себе или хотя бы описывают себя. В большинстве своем это женщины, не скрывающие свою личность от протокола, обычно очень молодые – студентки или старшие школьницы: “Меня зовут Жюстина, мне 16 лет и я учусь в первом[9] классе”; “Итак, мне 20 лет, я родом из Алжира, но у меня французское гражданство. Я не работаю и живу с родителями”. Некоторые упоминают об обстоятельствах зачатия ребенка и о его биологическом родителе: “Меня зовут Рафаэлла Перони, мне 17 лет, твоего отца зовут Гайо Николя, мы с ним расстались”. Они объясняют ребенку причину своего поступка, часто просят его не судить их. Иногда описывают первые моменты рождения младенца, их совместное пребывание в родильном отделении до расставания, рассказывают о своем чувстве умиления: “ты чудный младенец”, “я испытываю большую любовь к тебе”, – пишет 17-летняя девочка; а также о страдании, которое причиняет им разлука: “как тяжело с тобой прощаться!”.

Среди вещей, оставленных роженицами, есть такие, чья функция – помочь в дальнейшем опознать ребенка, как это бывало в XVIII в., когда в пеленках подкидышей часто находили “знаки отличия, медали, ленты, галуны, отрезки корсажа, маленькие крестики – признаки принадлежности или талисманы-обереги”, которые ребенок носил с собой и по которым его можно было узнать. “Иногда можно встретить девочку с одной сережкой – вторая, несомненно, у ее родителей” (*Farge* 2007: 194–195). В одном из досье мы обнаружили браслет-цепочку, оставленную для ребенка, и сопровождающую записку: “У твоего брата точно такой же. Возможно, вы когда-нибудь встретитесь”.

Эти знаки, которые женщины используют в попытке сделать возможным возобновление родственной связи, которая вот-вот будет разорвана отказом от ребенка и последующим его усыновлением, свидетельствуют об амбивалентности их отношения к сделанному выбору. Их решение рожать анонимно и отказаться от ребенка не мешает им ставить подпись “мама” или “твоя мать”, иногда с уточнением “биологическая” или “генетическая”, а более юным – использовать кажущийся им уместным хэштег #❤️M. Они обнаруживают чувства, которые считаются в наших обществах признаками материнской любви: безусловность и постоянство, выражаемые частым употреблением наречия “всегда” – “я люблю тебя и всегда буду думать о тебе”, “ты всегда будешь присутствовать в моей жизни”; исключительность связи – “ты всегда будешь моим первым ребенком”. Иногда они даже включают ребенка в свой родственный круг, объясняя, например, что назвали его в честь любимого дедушки, тетки или сестры, или указывая на черты портретного сходства ребенка с собой, его отцом или другими членами семьи. Одна из рожениц, оставившая свои данные в досье, положила туда же семейное фото, указав на обороте имя каждого изображенного и его родство с ребенком: “моя сестра Жюли, твоя тетка; мой брат Тьерри, твой дядя; моя мать Сюзанна, твоя бабушка; мой отец Робер, твой дед”.

Некоторые из этих женщин, передумав, приходят забрать ребенка, другие желают ему счастья и выражают надежду, что он обретет его в приемной семье: “Поблагодари твоих приемных родителей за ту любовь, которую они тебе дали”, – просят они. Думая о будущем, они допускают, что у ребенка будет приемная семья, но в то же время хотят сохранить за собой определенное место в его истории, поскольку пишут эти строки в расчете на то, что ребенок однажды их прочтет. Так они закладывают возможность будущей связи с ребенком.

В то же время, такое поведение остается редкостью. Большинство анонимных рожениц стремятся оставить о себе самый минимум информации, не желая связывать себя с ребенком. Поэтому некоторые представители CNAOP рассматривают необходимость рекомендовать женщинам написать что-то в расчете на будущее ребенка как прямое противоречие праву на анонимные роды: “очень трудно иметь дело с человеком, который не хочет даже слышать об этом ребенке и боится привязаться к нему” (DGCS 2017: 39).

Но независимо от того, оставляют ли женщины какую-то информацию о себе, в самих учреждениях существуют практики, направленные на создание воспоминаний о рождении ребенка.

Сформировать следы детской истории

Компенсировать отсутствие связей: альбомы новорожденного. Такие практики могут принимать различные, более или менее организованные формы. Они начинаются с родильного отделения, где иногда профессиональные фотографы дарят анонимно рожденным детям альбомы новорожденного, такие же, какие они обыкновенно продают семьям. Красиво оформленные, но лишенные каких-либо подписей, альбомы эти выглядят обезличенными. Другое дело, когда персонал родильного отделения, ухаживавший за новорожденным, перед выпиской пишет и вкладывает в его вещи записочки, хранящие воспоминания о первых днях его жизни. В этих записках, написанных в большинстве своем женщинами – которые в основном и работают в родильных отделениях, – иногда упоминается роженица, описываются ее действия с новорожденным (как она его пеленала, кормила, ласкала), чувства, которые она выражала, вещи, принесенные ею для ребенка. Эта женщина называется “мамой”. Использование этого слова, а также важность, придаваемая описанию роженицы, ее чувств и поведения свидетельствуют о том,

как трудно персоналу, чья профессиональная подготовка и повседневная практика направлены на формирование связи между матерью и новорожденным, принять выбор женщины, решившей рожать анонимно[10]. Слова, обращенные к ребенку, призваны в такой ситуации заполнить пустоту, образующуюся после ухода матери: ему рассказывают о том, как он появился на свет, перечисляют имена медсестер и санитарок, бывших все время с ним рядом и окружавших его нежностью и заботой, говорят, что никогда его не забудут. В том же департаменте секретарь службы усыновления, занимающийся оформлением досье воспитанников, следит за тем, чтобы каждый младенец получил небольшой "альбом", представляющий собой двойной лист бумаги с напечатанными фотографиями, сделанными в первые часы и дни его жизни представителем CNAOP. Титульную страницу такого "альбома" украшают рамка с надписью "Мои фотографии" и традиционные детские мотивы: воздушные шары, аист, несущий улыбающегося младенца, плюшевый мишка и т.п.

Разрозненность этих инициатив, как и достаточно скромные средства их реализации (бумага и конверты из канцелярии родильного учреждения, фотографии, отпечатанные на принтере на обычном листе формата А4, картинки, взятые из интернета), не снижают их символической ценности.

Создание альбомов, включающих фотографии ребенка и тексты, описывающие его развитие и достижения от первых часов жизни и примерно до трехлетнего возраста – привычная практика в наших обществах в последние десятилетия. Обычно этим занимается семья малыша, в основном мать. Помимо очевидной цели – зафиксировать воспоминания первых лет жизни ребенка – для нее этот альбом представляет особую форму самовыражения в очень важный момент ее собственной жизни: момент социально одобряемого перехода в статус матери (Fine 2000). Анализ этой женской практики показал, что она имеет столь же высокую социальную и символическую ценность для приемных матерей, создающих для своего ребенка рассказ о его вхождении в семью и о трудном пути, который прошли родители ради этого.

Однако альбомы, о которых шла речь выше, предшествуют усыновлению и относятся к детям, еще не имеющим родства. Отсутствие родственных связей чаще всего сопровождается отсутствием фотографий и записей о рождении, первых кирпичиков в автобиографии. Поэтому персоналу родильных учреждений важно заполнить эту пустоту, сделать так, чтобы остались следы, свидетельства появления ребенка на свет и воспоминания тех людей, которые его окружали. Санитарки и медсестры дома ребенка иногда называют себя в этих записях и альбомах "тетями" малыша, выстраивая вокруг него метафорические связи. Случается также, что приемная семья в период знакомства с ребенком, предшествующий усыновлению, делает его фотографии – одного, вместе с приемными родителями, их родными или приемными детьми – и приносит их в Службу усыновления. Эти фотографии также помещаются в досье ребенка, хранящееся в архиве.

Наряду со спонтанными инициативами такого рода некоторые службы усыновления ведут сознательную систематическую работу с родильными отделениями и домами ребенка для создания "истории" новорожденных до момента их усыновления. Социальная работница службы усыновления показала нам один из альбомов – обычную тетрадку в клетку, к которой прилагались: родильный браслет ребенка, флешка с его фотографиями и браслет, оставленный его "биологической матерью"[11]. Эти предметы она достала из картонной коробки – по ее выражению, "сокровищницы", которая находилась в ее рабочем кабинете, ожидая момента передачи приемной семье. Образ такой коробки с "сокровищами", которые ребенок получает на память о его рождении, стал частым и обычным элементом дискурса о происхождении усыновлен-

ных детей (*Carsten* 2000). Следующие строки из отчета об интеграции ребенка в приемную семью свидетельствуют о том, какие рекомендации по этому поводу получают усыновители: “г-н и г-жа X. хранят принадлежащую Манон коробку, в которой находятся одежда и мягкая игрушка, оставленные ее биологической матерью“ (*Roux* 2017). Однако, по мнению одной из сотрудниц службы усыновления, коробка – не лучшее место для таких памятных вещей: приемные родители могут держать ее в недоступном ребенку месте, тем самым ограничивая редкими случаями его контакт с собственной историей. Лучше было бы, полагает она, чтобы ребенок пользовался этими вещами в своей повседневной жизни.

Подобные “следы” происхождения ребенка фигурируют в различных инструкциях, советах и стратегиях работников служб усыновления, причем смысл их явно видится в том, чтобы как можно более гладко соединить историю ребенка до усыновления с его нынешней жизнью в семье. Цель всех этих следов, с точки зрения государства и, в частности, службы помощи детям, состоит в создании “опоры” для памяти ребенка, которой отсутствие родителей в момент рождения может его лишить. Знание же о существовании прошлых отношений (с женщиной, его родившей, с персоналом, который его принимал и за ним ухаживал) должно помочь ребенку построить связный рассказ.

Материализовать вехи истории. Речь идет в действительности о конструировании темпоральности, соответствующей принципу, господствующему отныне в подходе к праву на доступ к данным о своем происхождении: преемственности истории ребенка. Как мы выявили в ходе нашей работы, а также как показывают другие недавние исследования проблемы усыновления, сегодня доступность для ребенка информации об обстоятельствах его рождения и отказа от него родителей, о его биологических, этнических, культурных и прочих корнях считается полезной и даже необходимой в его дальнейшей судьбе приемного ребенка (*Roux* 2017).

Похожая ситуация описана применительно к Шотландии. В ходе интервью респонденты – взрослые люди из приемных семей – упоминали и нередко показывали письма, фотографии, стихотворения или официальные документы, которые они хранят в коробке или чемодане. По мнению автора исследования, эти вещи представляют собой нечто большее, чем след присутствия “биологического родителя”, ради которого, казалось бы, и предпринимаются поиски корней. Она показывает, что такие поиски опровергают представление о важности “естественной/природной” связи:

Хотя сам акт поиска родственников по рождению со всей очевидностью подчеркивает первостепенность этой связи в британской культуре родства, с другой стороны, усыновленные люди одновременно ставят под сомнение эту первостепенность. Сомневаясь в правах биологических родителей и в то же время часто признавая важную роль в своей жизни приемных родителей, респонденты утверждают ценность усилий и заботы в создании родственных связей [*Carsten* 2000: 691].

Напротив, вещи и документы участвуют в формировании персональной истории. “Подобно музейным объектам, также отличающимся от вещей, окружающих нас в повседневной жизни, они придают историческую глубину идентичности наших респондентов” [ibid.]. В центре поисков корней лежит такое отношение к времени, в котором прошлое, настоящее и будущее привычно пересекаются в процессе ежедневных отношений, а также ритуальных событий в жизни семьи. По ходу поисков усыновленные пытаются вернуть себе способность воздействовать на свою историю, отмеченную родительским отказом, разлукой, исчезновением части связей, предшествовавших усыновлению. Они одновременно выявляют «очень значительные смещения “времени родства”», влияющие на жизнь усыновленных, – и борются с ними [*ibid.* : 692]. Создавая историю своих истоков, очень важно заполнить пустоты, умолчания и отсут-

ствия, чему и служат материализованные нарративы – документы, фотографии или объекты, сохраненные в архивах.

Все это заставляет нас по-новому взглянуть на то, каким образом время создает – или не создает – связи между родственниками в особом контексте отношения к истокам. Исследования новых форм семьи подчеркивают важность темпоральности как фундамента “параллельных” – избирательных или добровольных – связей в приемных, смешанных или созданных при посредстве ЭКО семьях (*Fine* 1998; *Martial* 2003). Пусть и не всегда признанные законом, эти отношения, основанные на повседневных действиях и разворачивающиеся на протяжении всего детства, выросли из слов, жестов и эмоций, сотканы из больших и маленьких событий семейной жизни. Составляющее их время полно, плотно и живо.

Темпоральность, о которой идет речь применительно к досье воспитанников, рожденных анонимно, напротив, не может опереться на совместно прожитый опыт, поскольку вся жизнь ребенка, забота о нем и его воспитание проходили в другом месте. Время связей, обнаруженных ими в результате поиска своих корней, голо и безжизненно. Перед лицом абстрактных фигур “биологических родителей” оно лишь намечает виртуальные отношения, наличие которых приобретает смысл только при возвращении к прошлому – моменту рождения – или как проекция в будущее потенциального “воссоединения”. Сам поиск предпринимается, возможно, в попытке ощутить эти отношения в настоящем, соединить несколько разорванных темпоральностей в единую ось. Но задача усложняется тем, что утверждаемый на словах принцип непрерывности на практике входит в противоречие с официальными правилами и практиками, вводящими ряд ограничений на знакомство с архивными материалами.

Нестыковки

Ограниченный доступ. Эти ограничения проявляются, прежде всего, в судьбе писем, альбомов и вещей, оставленных или созданных при рождении ребенка. Действительно, если мы нашли их в архивах, то лишь потому, что они не попали вместе с ребенком в его приемную семью. По мере общения с различными сотрудниками, ответственными за прием рожениц, детей или за ведение архивных дел, выясняется, что обращение с этими предметами, которые могли бы составить фундамент истории ребенка, порождает массу вопросов и сомнений. Что делать с этими памятными объектами? Как далеко они должны сопровождать ребенка? Следует ли отдать их приемным родителям или же хранить их – но в этом случае, как и где? Эти вопросы становятся все более существенными, поскольку объем вещей, достающихся ребенку при рождении, в последние годы растет. Мягкие и другие игрушки, комплекты одежды, иногда достаточно объемистые – все это ставит сотрудников архива перед непростым выбором между противоречивыми задачами: обеспечить ребенку непрерывность его жизненной истории или сохранить тайну усыновления. В двух департаментах, где мы работали, налицо две разных стратегии.

В первом из них, где вещественные следы ранней истории ребенка формируются в результате частной инициативы персонала, правила предписывают хранить их в Службе защиты детей, где оставленный родителями ребенок сможет увидеть их только в том случае, если однажды решит ознакомиться со своим досье. Поэтому стеллажи архива заставлены коробками, порой весьма вместительными, содержимое которых тщательно запротоколировано. Более мелкие предметы – украшения, небольшие игрушки, фотоальбомы или отдельные вещицы гардероба новорожденного – иногда помещаются непосредственно в картонные папки архивного

дела, причем их происхождение не всегда понятно: оставила ли их анонимная роженица, мать, отказавшаяся от ребенка в роддоме или же пара, отдавшая младенца на усыновление? Ответа на этот вопрос может не содержать и само архивное дело. Единственным организующим принципом в данном хранилище кажется то, что вещи находятся здесь до усыновления ребенка. Как объяснила мне одна социальная работница, главное состоит в том, чтобы защитить зарождающиеся в приемной семье родственные связи, стараясь не особо напоминать новым родителям ребенка о наличии у него “биологической матери”, что могло бы восприниматься приемной семьей как вторжение в ее частную жизнь. В то же время она считает, что альбом, сделанный профессиональным фотографом в родильном отделении, можно предложить приемным родителям: действительно, на этих фотографиях изображен только сам ребенок. В данном случае задача бесконфликтного формирования родственных связей в приемной семье оправдывает временное сокрытие следов ранней истории ребенка с момента усыновления и вплоть до того гипотетического момента, когда он заинтересуется своим происхождением и обратится в архив.

Во втором департаменте, где вещественные следы появления ребенка на свет создаются по требованию службы усыновления, организовано их перемещение вслед за ребенком. Так, процедура передачи ребенка в приемную семью включает предложение родителям его фотоальбомов, отснятых в родильном отделении и доме ребенка. Это делается через несколько месяцев после принятия ребенка в семью, когда родственные связи между ним и приемными родителями уже начали формироваться, причем альбомы предлагаются в обратной последовательности: сначала тот, что сделан в доме ребенка, и потом – во время последнего патронажного визита – сделанный в родильном отделении. Такие предосторожности оправдываются желанием “не обременять семью”, особенно в тех случаях, если в альбоме упоминается “биологическая мать”. Составляется и хранится перечень вещей, оставленных анонимной роженицей. Эти вещи также предлагаются приемной семье в качестве “предметов, которые могут помочь объяснить ребенку его историю”. В случае отказа забрать вещи сотрудники архива фотографируют их и помещают фотографии в дело, сами же вещи не хранят.

Динамика непрерывности, основанная на создании единой истории, материально воплощенной в письменных и вещных следах, оставленных при рождении ребенка, выглядит главенствующим принципом современного отношения к оставленным родителями детям, но она тем не менее сдерживается существующими концепциями усыновления: хотя у ребенка и существует некая история, предшествующая его встрече с (приемными) родителями, нужно все-таки следить за тем, чтобы ее вещественные следы не угрожали последующим родственным отношениям, ограничивая их присутствие в повседневной жизни. Таким образом возникает первый разрыв в темпоральности истории ребенка, частично размыкающий цепь между периодом, предшествующим усыновлению, и потенциальными родственными отношениями с биологической родней.

Асинхронные отношения. Помещенные в архив письма и предметы, оставленные для ребенка, доходят до него лишь в том случае, если он сам приходит их искать. Право на доступ к досье службы защиты детей/службы усыновления имеют дети, рожденные анонимно или оставленные родителями, а до их совершеннолетия – приемные родители. Но речь идет именно о праве, а не об обязанности, и оно не противоречит праву на неприкосновенность личной жизни усыновленного ребенка.

Анонимная роженица тоже может в любой момент открыть свое имя, для чего ей достаточно обратиться в Службу защиты детей или в CNAOP. Так поступила, например, одна

из женщин, которая через два года после родов захотела узнать, удочерили ли ее ребенка. Она также написала своей биологической дочери несколько писем, по случаю дня ее рождения или на Рождество, к каждому из которых приложен детский рисунок, подписанный: “Алиса, твоя старшая сестра”. В последнем письме вся семья (“Твоя мама Натали Лоран, твоя сестра Алис Лоран, твой дядя Александр и твои дедушка и бабушка Симон и Эмилия”) желает счастливого Рождества девочке и ее приемной семье.

Подобные инициативы могут исходить и от мужчин, узнавших о том, что у них есть ребенок. Один из них, называющий себя “биологическим отцом” восьмилетнего мальчика, написал ему очень разборчивым почерком письмо, в котором просил связаться с ним, когда сын ознакомится со своим досье, чтобы они могли встретиться и ребенок “узнал его историю”. Он оставил копию своего паспорта, адреса своей матери, у которой он живет, и двух своих сестер. Персонал CNAOP отправил отцу подтверждение, что присланные документы помещены в дело ребенка.

Искать контакта с ребенком могут также родители, братья и сестры, бабушки и дедушки “отказников” или детей, признанных сиротами по решению суда вследствие безвестного отсутствия родителей. Все они пытаются дать знать о себе, надеются получить какую-то информацию и не всегда знают о том, что ребенок усыновлен. Женщины спрашивают о своих детях и изъявляют желание их увидеть. Бабушки и дедушки предлагают помощь в воспитании ребенка. Письмо на 12 страницах из тетради в клетку сестра написала своему брату в день его 18-летия и отправила в службу защиты детей в надежде, что он скоро придет туда поинтересоваться своим досье.

В таких письмах всегда присутствует информация, позволяющая идентифицировать отправителя: копия паспорта, почтовый или электронный адрес, номер телефона, который обещают не менять. Но они, возможно, так и останутся непрочитанными. Нет никакой гарантии, что они дойдут до получателя, поскольку никто не знает, увидит ли вообще ребенок свое досье. Читающего такие письма не может не потрясти хрупкость этих брошенных в море бутылок, огромная дистанция между высокими ожиданиями – и низкой вероятностью того, что письма найдут своего адресата. Основную причину этого сформулировал руководитель службы усыновления одного из департаментов, отвечая женщине, пришедшей поинтересоваться судьбой своей дочери, от которой она официально отказалась: “Ваш отказ от Ясмины был признан решением суда от 7 октября 1999 г. После этого она была помещена в семью с перспективой удочерения, и в дальнейшем это удочерение состоялось. Это означает разрыв всех связей девочки с исходной семьей, поэтому вы понимаете, что я не имею права сообщить вам информацию о ее нынешней жизни. Тем не менее, ваше письмо будет сохранено в ее папке, и она сможет прочесть его, если однажды обратится в архив. В этом случае, поскольку вы оставили свои координаты, она свяжется с вами, если захочет”. Родственные отношения по рождению не должны мешать жизни ребенка в приемной семье. Над ними берут верх и их фактически отменяют законные отношения с приемными родителями.

Даже если человек однажды заинтересуется своим происхождением и откроет архивную папку – он получит информацию с большим запозданием. Письмо, оставленное матерью, отцом, сестрой может быть прочитано адресатом и через 2 года, и через 20 лет. Вновь речь идет об отношениях, тянущихся из прошлого и проецируемых в будущее, но лишенных настоящего, без которого невозможна взаимность. Таким образом, правила доступа к архивным данным усыновленных детей создают односторонние и асинхронные отношения[12], противореча тем самым принципу “непрерывности”, господствующему в дискурсе о происхождении.

***

“Следы” биологического родства, отчасти сохраняемые в архивах Службы защиты детей, отражают недавнее изменение норм, связанных с отказом от ребенка и усыновлением в наших обществах. Эти изменения предполагают, прежде всего, что отступление от принципа полной анонимности при родах дает женщине небывалый прежде выбор и отражает многообразие ситуаций, ведущих к отказу от ребенка. Они демонстрируют также сосуществование, как до усыновления ребенка, так и после – в случае, если он получит доступ к своему досье – двух противоречащих друг другу линий. Первая представляет содержимое архивных папок как воплощение личного истока человека. Хотя анонимные роды затушевывают само репродуктивное событие, указывающие на него письменные или материальные свидетельства, хранящиеся в архивах Службы защиты детей, казалось бы, отчасти предназначены для того, чтобы материализовать телесное воспоминание, напомнить о существовании женщины, давшей ребенку жизнь, сделать возможной связь между ними. Но вместе с тем следы, о которых идет речь, материализуют историю самого ребенка. Можно сказать, что телесность растворяется в темпоральности биографического рассказа, включая в него хрупкие виртуальные отношения, возникшие в результате рождения. Создание артефактов, воплощающих в себе эти отношения, и дальнейшее обращение с ними подчиняются двум противоречащим друг другу логикам: принципу нарративной непрерывности личной истории ребенка и необходимости защиты отношений в его приемной семье. Кроме того, административные правила доступа к архивным делам создают временной разрыв, десинхронизируя возможные отношения, связанные с биологическим родством, и тем самым препятствуя их взаимности. Эти практики, отношение к которым далеко не единодушно, показывают, что вопреки новому месту, отводящемуся “происхождению” приемного ребенка в его жизненной истории, принцип непрерывности последней, существенно изменивший институциональную и профессиональную практику усыновления, никоим образом не ставит знак равенства между отношениями, возникающими на всем протяжении истории ребенка, и не подрывает иерархию существующих вокруг него связей. Архивные материалы о происхождении представляют собой богатый источник для изучения современного множественного родства.

Примечания

[1] “Родственная связь с матерью устанавливается на основании указания последней в свидетельстве о рождении ребенка”. Ст. 311–25 Гражданского кодекса (далее – ГК).

[2] Ст. L 222-6 Семейного кодекса; ст.341-1 ГК.

[3] Ст. 30 Конвенции о защите детей: “Компетентные власти Договаривающегося государства обеспечивают, чтобы информация, которой они располагают относительно происхождения ребенка, в частности информация, касающаяся личности его родителей, а также медицинская карта, не раскрывались. Они обеспечивают доступ ребенка или его представителей к такой информации под соответствующим руководством, насколько это разрешено законом такого государства”.

[4] Ст. 7 и 8 Конвенции о правах ребенка.

[5] Ст. 341 и 341-1 ГК.

[6] Ст. L 222-6 Семейного кодекса.

[7] Судебное признание ребенка брошенным (ст. 350 ГК) – решение судьи, согласно которому ребенок, чьи родители отсутствуют в течение года и более, считается брошенным и может подлежать усыновлению. Эта статья была заменена в 2016 г. статьей 381-1 ГК о судебном признании “оставления ребенка родителями”, которое выносится в случае, если последние не поддерживают с ребенком “отношений, необходимых для его воспитания и развития, в течение года до момента направления запроса, при отсутствии препятствий для поддержания таких отношений”, считающихся основой родительских обязанностей.

[8] Подсчитано на основании ответов, полученных из 77 департаментов. Следует добавить, что 1% рожениц признали своих детей, прежде чем от них отказаться, и в итоге передумали и забрали их.

[9] Во французской образовательной системе первый класс предшествует выпускному (прим. перев.)

[10] Это не новая проблема, о ней известно с 1950-х гг. (см. *Emsellem 2*004). В упомянутом выше исследовании также отмечены сопротивление медицинского персонала такому выбору рожениц и трудности во взаимодействии сотрудников некоторых медицинских учреждений с представиелями CNAOP (DGCS 2017 : 53).

[11] Термин, используемый в службах усыновления, где проводилось исследование. Словом “мама” здесь называют только приемную мать.

[12] Уточним, тем не менее, что после первого обращения в архив положение меняется: посетителю предлагают информировать его в случае новых поступлений в его архивное дело. Точно также CNAOP может информировать бывших воспитанников Службы защиты детей, единожды обратившихся с запросом информации об их биологических родителях, о решении последних раскрыть свой секрет.

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

Гражданский кодекс – Code civil, 1804 (2021) https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070721/

Конвенция о защите детей – Convention du 29 mai 1993 sur la protection des enfants et la coopération en matière d’adoption internationale https://www.hcch.net/fr/instruments/conventions/full-text/?cid=69

Конвенция о правах ребенка – Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

Семейный кодекс – Code de l’action sociale et des familles, 1956 (2021) https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006074069/

DGCS 2017 – Étude portant sur l’évaluation de différents aspects de la loi n°2002-93 du 22 janvier 2002 relative à l’accès aux origines des personnes adoptées et pupilles de l’État – Rapport final – Juillet 2017. DGCS, Cabinet ADSO.

Научная литература

Carsten J. "Knowing Where You've Come from": Ruptures and Continuities of Time and Kinship in Narratives of Adoption Reunions // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2000. 6 (4). P. 687–703.

Emsellem C. Naître sans mère. Accouchement sous X et filiation. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2004.

Farge A. Effusion et tourment. Le récit des corps. Histoire du peuple au XVIIIE SIÈCLE. PARIS: ODILE JACOB, 2007.

Fine A. (Ed.). Adoptions. Ethnologie des parentés choisies. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 1998.

Fine A. Écritures féminines et rites de passage // Communications. 2000. n° 70. P. 121–142.

Fraenckel B. La Signature. Genèse d'un signe. Paris: Gallimard, 1992.

Howell S. The Kinning of Foreigners. Transnational Adoption in a Global Perspective. New York/Oxford: Berghan books, 2006.

Jablonka I. Ni père ni mère. Histoire des enfants de l'assistance publique (1874–1939), Paris: Le Seuil, 2006.

Le Boulanger I. Pupilles de l'Assistance. Destins croisés de pupilles de l'Assistance Publique des Côtes du Nord (1871–1914). Rennes: Presses Universitaires de Rennes/Société d'Émulation des Côtes d'Armor, 2013.

Lefaucheur N. Accouchement sous X et mères de l'ombre // La Pluriparentalité / Eds. D. Le Gall, Y. Bettahar. Paris: Puf, 2001. P. 139–175.

Lefaucheur N. De la tradition française au droit à la vérité de la biographie – ou du recours à l'histoire dans les débats parlementaires sur l'accouchement dit sous X // Clio. Histoire, femmes et sociétés. 2006. n° 24 [clio.revues.org/4662; DOI: 10.4000/clio.4662].

Martial A. S'apparenter. Ethnologie des liens de familles recomposées. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2003.

Rivière A. La quête des origines face à la loi du secret //Revue d'histoire de l'enfance "irrégulière". 2009. n° 11 [http://rhei.revues.org/3060; DOI: 10.4000/rhei.3060].

Roux S. L'État des origines. Histoires adoptives, conflits biographiques et vérités passées // Genèses. 2017. n°108. P. 69–88.

Schneider D. M. American Kinship: a cultural account, Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1968.

R e s e a r c h A r t i c l e

Martial, A. Archives of Origins. Traces and Narrative (Dis)Continuities in the Archives of France's Child Welfare System (France, 1995–2015) [Arkhivnye svidetel'stva o proiskhozhdenii. Pis'mennye i veshchestvennye sledy biologicheskogo rodstva v dokumentakh sluzhby zashchity detei (Frantsiia, 1995–2015)]. Anthropologies, 2021, no 1, pp. 121-137 https://doi.org/******** ISSN**

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Agnès Martial | https://orcid.org/ 0000-0001-9170-6225 | CNRS, Centre Norbert Elias | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | agnes.martial@univ-amu.fr

Keywords

kinship, abandonment, adoption, origins, archives

Abstract

Framed on an investigation in the French Childhood social welfare services, this article analyses the "traces" kept within the files of the children born "in the secret" and/or abandoned. The treatment of the administrative documents, letters, pictures or things that have been kept informs the birth relationships conceptions in adoptive situations, enlightening a new side of contemporary multiparenthood.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
L'Agence nationale de la recherche, project №ANR-18-CE26-0012, 2018–2021

References

Carsten, J. 2000. "Knowing Where You've Come from": Ruptures and Continuities of Time and Kinship in Narratives of Adoption Reunions, *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 6 (4): 687–703.

Emsellem, C. 2004. *Naître sans mère. Accouchement sous X et filiation* [To be Born Without a Mother. Childbirth "in the secret" and Filiation], Rennes: Presses universitaires de Rennes.

Farge, A. 2007. *Effusion et tourment. Le récit des corps. Histoire du peuple au XVIIIE SIÈCLE* [EFFUSION AND TORMENT. THE STORY OF THE BODIES. HISTORY OF THE PEOPLE IN THE 18TH CENTURY], PARIS: ODILE JACOB.

Fine, A. (dir.). 1998. *Adoptions. Ethnologie des parentés choisies* [Adoptions. Ethnology of the chosen relatives], Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, coll. "Ethnologie de la France".

Fine, A. 2000. Écritures féminines et rites de passage [Women's Scriptures and Rites of Passage], *Communications*, 70: 121–142.

Fraenckel, B. 1992. *La Signature. Genèse d'un signe* [Signature. Genesis of a sign], Paris: Gallimard.

Howell, S. 2006. *The Kinning of Foreigners. Transnational Adoption in a Global Perspective*, New York/Oxford: Berghan books.

Jablonka, I. 2006. *Ni père ni mère. Histoire des enfants de l'assistance publique (1874–1939)* [Neither father nor mother. History of the children of Childhood Social Welfare Services (1874–1939)], Paris: Le Seuil.

Le Boulanger, I. 2013. *Pupilles de l'Assistance. Destins croisés de pupilles de l'Assistance Publique des Côtes du Nord (1871–1914)* [Children of Childhood Social Welfare Services. Crossed destinies of wards of the Assistance Publique des Côtes du Nord (1871–1914)], Rennes: Presses Universitaires de Rennes/ Société d'Émulation des Côtes d'Armor.

Lefaucheur, N. 2001. Accouchement sous X et mères de l'ombre [Childbirth "in the secret" and shadow mothers], *in* Didier Le Gall et Yamina Bettahar (Eds.), *La Pluriparentalité,* Paris: Puf: 139–175.

Lefaucheur, N. 2006. De la tradition française au droit à la vérité de la biographie – ou du recours à l'histoire dans les débats parlementaires sur l'accouchement dit sous X [From the French tradition to the right to the truth of the biography, or the use of history in parliamentary debates on childbirth "in the secret"], *Clio. Histoire, femmes et sociétés*, 24 [clio.revues.org/4662 ; DOI : 10.4000/clio.4662].

Martial, A. 2003. *S'apparenter. Ethnologie des liens de familles recomposées* [Relate. Ethnology of the links of reconstituted families], Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, coll. "Ethnologie de la France".

Rivière, A. 2009. La quête des origines face à la loi du secret [The Search for origins. Children of the French Assistance Publique in search of their personal history (1900–1920)], *Revue d'histoire de l'enfance "irrégulière",* 11 [http://rhei.revues.org/3060; DOI: 10.4000/rhei.3060, published Oct 1, 2011, date of access Sept 29, 2016].

Roux, S. 2017. L'État des origines. Histoires adoptives, conflits biographiques et vérités passées [The State of Origins. Adoptive Histories, Biographical Conflicts, and Past Truths], *Genèses*, 108: 69–88.

Schneider, D. M. 1968. *American Kinship: a cultural account*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.

Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research]. Paris: Armand Colin.